

ТЕРРОРИЗМ КАК ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

В статье анализируется понятие деструктивности применительно к терроризму как социокультурному явлению, выделяются ее сущностные черты. С целью лучшего понимания информационного воздействия терроризма на социум автором статьи вводятся в научный оборот термины «горгонофобия» и «мортилатрия», позволяющие прояснить это воздействие на психологическом и ментальном уровне.

V. Petukhov

TERRORISM AS A FORM OF SOCIAL AND CULTURAL DISRUPTIVENESS

The definition of disruptiveness of terrorism as a social and cultural phenomenon is analysed in the article. The author introduces some new terminology such as “gorgonophobia” and “mortilatria”, which help to understand the influence of terrorism on the psychological and mental levels.

Большой интерес с точки зрения культурологического исследования представляет идентификация деструктивной сущности терроризма. По мнению А. Я. Флиера, «социокультурная деструкция представляет собой нарушение (иногда постепенное “размывание”) функциональной целостности и сбалансированности культурной системы, в определенном смысле ее дисфункцию, ведущую к понижению возможности эффективного регулирования социальной жизни людей»¹. Опираясь на данное определение, терроризм можно рассматривать как антисистему, направленную на разрушение исходного социокультурного механизма, обеспечивающего жизнеспособность враждебной террористам социальной общности.

В указанном контексте деструктивность реализуется на уровне девиантного отражения действительности. Она детерминирована различными формами идеологической мотивации и объективирована целями и задачами социально-политической, националистической или религиозной борьбы в ее наиболее агрессивном и милитарно-аномическом выражении. Социокультурная деструктивность применительно к терроризму обнаруживается в двух адресных формах своей функциональности: корпоративном деструктивном воздействии на социум и личностной деструкции носителей террористического мировоззрения. Оба этих процесса теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены. Террористическая практи-

ка деструктивного давления на общественное мнение неизбежно интериоризируется на внутреннее ментально-психологическое состояние участников террористических действий и, как следствие, может привести их к морально-нравственной деградации и саморазрушению личности. И, наоборот, в террор могут приходиться люди с уже сформировавшимся деструктивным складом сознания. Генотипическая близость обозначенных форм позволила выделить некоторые общие черты и тенденции деструктивного социокультурного воздействия терроризма. К наиболее значимым из них относятся: 1) дестабилизация общественно-политической ситуации; 2) дезорганизация властных структур; 3) дезинтеграция социальных связей, распространение нигилизма и анархии; 4) провоцирование ответной агрессии; 5) горгонофобия, катастрофизм и апокалипсизм; 6) усиление морталитарических настроений в обществе; 7) дегуманизация как следствие изменения аксиосферы; 9) архаизация сознания и общественных отношений, ставка на социокультурную регрессию.

Первые три из представленных тенденций отличаются отчетливо выраженной политико-семантической императивностью, нацеленностью на подрыв всей системы государственного и общественного управления противоборствующей террористам стороны. Как практические целевые установки они не осознаются и не рефлексированы рядовыми исполнителями террористических акций, но на уровне террорократической элиты представляют собой четко выверенный курс стратегии информационной войны. В то же время под внешней анонимностью этих тенденций могут скрываться определенные геополитические интересы третьей стороны, формально не задействованной в конфликте. В пользу этого утверждения говорит ангажированная реакция некоторых СМИ, через которые осуществляется соответствующая интерпретация террористических событий, направляющая общественное мнение в русло рассматриваемых тенденций. В задачу данного исследова-

ния не входит подробный политологический анализ обозначенных характеристик деструктивного воздействия терроризма. Поэтому представляется логически обоснованным сосредоточить внимание на других тенденциях, в большей мере отражающих культурологическую специфику.

Концептуальный смысл террора сосредоточен в устрашении людей. Этот тезис аксиоматичен, так как страх, ужас — те самые чувства, которые в первую очередь вызываются у людей террористическим актом. Очевидно, что нагнетание страха, распространение в обществе панических эмоциональных состояний, предощущения новых террористических атак есть сущностная основа деструктивного социокультурного воздействия терроризма на социум. Для когнитивного обозначения страха терроризма предлагается ввести термин *горгонофобия*, под которым подразумевается массовое, локально ограниченное во времени, патогенное психологическое состояние боязни надвигающейся террористической угрозы. Этимологически данный термин объясняется соответствием с известным древнегреческим мифом о смертоносном ужасающем воздействии горгоны Медузы. Горгона в античном космоцентрическом мировоззрении олицетворяла собой силы изначального природного хаоса, иррационального по своей сути, алогичного, пугающего своей непредсказуемостью и всеохватностью, ужасающего глубиной своего темного агрессивного потенциала. В латентном состоянии горгонофобия практически не ощущается социумом, но в период острых социально-политических взрывов она может спровоцировать вспышки массовых панических настроений и бессознательных агрессивных действий. Горгонофобия возникает не только вследствие террористической пропаганды действием, но и в результате неосознанных, стихийных и безответственных действий средств массовой информации. Горгонофобия как опасная социальная болезнь является одним из факторов, которые позволяют развиваться терроризму, притупляя

бдительность и дезинформируя общество. Учащающиеся вспышки горгонофобии способствуют формированию катастрофического сознания, ориентированного на восприятие пессимистических ужасающих сценариев разрешения социальных конфликтов. Катастрофическое сознание, расширяясь в масштабах, в апогее достигает эсхатологического состояния ожидания конца света. Выстроенная цепочка психологических состояний имеет общий генезис – чувство страха.

Деструктивность психологического воздействия терроризма, вызванного горгонофобией, на конкретных фактах была исследована Н. Н. Пуховским в г. Буденовске сразу после террористического акта, осуществленного летом 1995 г. отрядом чеченских террористов во главе с Ш. Басаевым. «Первоначальная атмосфера растерянности и страха (террора), царившая в городе в первые дни после нападения, быстро сменилась на двойственную, внутренне противоречивую атмосферу бессильной, беспомощной подверженности чужой злой воле, ожидания вреда и ущерба, с одной стороны, и оскорбленного достоинства, настороженности и повышенной готовности к отражению угрозы, с другой. Все это проявилось расстройствами поведения и деятельности – почти полным падением трудоспособности, концентрацией внимания на психотравмирующих событиях, пандемическим распространением слухов. Широкая распространенность расстройств сна (бессонница), изобилие жалоб на плохое самочувствие... сопутствовали подспудному чувству вины в форме самоупрека за испытываемое чувство радости и облегчения, что “миновала чаша сия”»². Н. Н. Пуховский выделил две группы: 1) непосредственных жертв террора; 2) их родственников и близких, а также других граждан г. Буденовска. Характеризуя психологическое состояние первой группы лиц, он отмечал остаточные явления пережитых ими острых шоковых аффектаций. В клинико-психологическом аспекте это была достаточно типичная картина так называемой адинамической депрессии. Харак-

терным было массовое нежелание жертв террора вспоминать пережитое, стремление «скорее приехать домой, принять ванну, лечь спать и все забыть, поскорее вернуться к своей обычной жизни». Другая группа лиц, вовлеченных в трагические события, внезапно оказалась в ситуации «психологического раскачивания»: они метались от надежды к отчаянию. Все эти люди обнаружили острые реакции на стресс с характерным сочетанием целого комплекса аффективно-шоковых расстройств – горя, отчаяния, подавленности, тревоги, враждебного недоверия, настороженности, маниакального упорства и др. В силу мощного ригидного отрицательного эффекта, они заражали значительную часть населения города, которую непосредственно не коснулся террористический акт, отрицательными эмоциями, а также сомнениями в отношении возможности эффективной помощи и искреннего сочувствия со стороны людей, специально приехавших в Буденовск для ликвидации чрезвычайной ситуации. Предпринятое Н. Н. Пуховским психологическое исследование терроризма, сосредоточенное на психологическом изучении жертв террористических актов, убедительно показывает, что террор погружает людей в постоянный кошмар переживаний и ожидания смерти. Иррациональное состояние перманентного ожидания повторения теракта в будущем оборачивается фобиями и кошмарами. В сущности, кошмар – это и есть постоянное или периодическое переживание человеком страха и ужаса. Бросается в глаза образно-семиотическое совпадение данного определения с признаками террора. Для человека, испытавшего террористическое воздействие, перспектива воспоминания – предвосхищения страха будущего теракта, достигающего интенсивности кошмара – явление весьма актуальное. Это могут быть сны, навязчивые образы, галлюцинации и другие близкие к ним фантомные реакции, при которых человек ощущает конкретную угрозу своей жизни и безопасности.

Подобные состояния, в гипертрофированной форме преобразованные через худо-

жественные образы и внедренные в информационные каналы культурной коммуникации, становятся достоянием массовой аудитории. Д. В. Ольшанский по этому поводу писал, что «ужас случайных свидетелей, т.е. людей, непосредственно не бывших жертвами того или иного террористического акта, а наблюдавшими его последствия или узнавшими о нем, скажем, по телевидению, значительно превышает ужас непосредственных жертв, которым удалось выжить. Вот уж, что называется, “у страха глаза велики”». Страх и позднее ужас непосредственных участников событий носит конкретный, так сказать, “рабочий” характер. Ужас тех, кто стал свидетелями, обобщеннее, как бы абстрактнее, и не является “рабочим”. У прямых жертв ужас все время связан с повторными переживаниями того, как они вырываются из страшной ситуации — они бегут, и это кажется им нескончаемым процессом. У тех, кто оказался свидетелем, нет таких конкретных воспоминаний — их мучает ужас от того, что они еще просто не знают, как надо вести себя в таких случаях»³.

Виктимология фиксирует в качестве одного из основных деструктивных последствий воздействия терроризма на общественное сознание возвратную стихийную агрессию той части воспринимающей аудитории, которая эмоционально и психологически настроена на жесткий насильственный ответ возникшей террористической угрозе. Причем, если одна часть жертв, воспринявших террор через СМИ, поддерживает власть в стремлении ответить на вызов террористов легитимными средствами военного характера, санкционированными государством, то другая часть ориентируется на экстремистские насильственные способы наказания виновных.

Современные террористы прибегают к демонстративному устрашению не только с целью оказания давления на власть, но и провоцируя агрессивные действия, дестабилизирующие социально-политическую и морально-психологическую обстановку в обществе. Взрывы экстремистского наси-

лия, вызванные ответной реакцией на терроризм, приобретают подчас экстазическую форму импульсного функционирования, направляя уже новый нарождающийся террор на социальные группы людей, выбранные по какому-либо символическому признаку, формально соотнесенному с принадлежностью к террористам. Подобная экспрессивная агрессия может быть инспирирована и усугублена влиянием СМИ и активным распространением через них слухов. Справедливо замечено: «Атмосфера страха и ожидания насилия, создаваемая преувеличениями, зачастую полностью выдуманными сообщениями, содержит в себе серьезную угрозу повышенного реагирования людей и, следовательно, опасность ненужного применения силы»⁴.

Есть еще одно последствие ужасающего воздействия терроризма на социум — апатия. Страх, ужас, паника, агрессия рано или поздно заканчиваются истощением психики людей, тогда и приходит апатия, в результате которой двигательная, эмоциональная, когнитивная и психическая активность человека резко падают вследствие панических настроений. Чувство апатии, усталости от непрерывного ощущения страха и тревоги обволакивает человеческое сознание и погружает его в заторможенное состояние пассивного созерцания, аморфности и невозможного равнодушия. Л. Радзиховский и Д. Дондурей назвали это состояние своеобразным защитным слоем российской культуры, который в совокупности составляют и “пофигизм”, и разгильдяйство, и неопределенность и аморальность критериев. По мнению журналистов-аналитиков, этот слой — «подушка, в которой вязнут враги России»⁵. Возможно, комплекс апатии как вынужденная реакция на террористический вызов в действительности несет в себе некоторую компенсаторную функцию, гасит протестную агрессию, уменьшает опасность социокультурного взрыва и блокирует процессы конфронтации. Однако не стоит преувеличивать позитивные возможности этой тенденции, так как обратной ее стороной явля-

ется дегуманизация культуры, а это неизбежно связано с процессом углубления деструктивности. Более того, терроризм стремится использовать яркие, образные и эффектные формы собственной пропаганды, имеющие наивысшее эмотивное влияние на социум. Террористы применяют шокирующие, эпатажные, драматургические способы представления своих программных установок, что в значительной мере усиливает эффект поражающего деструктивного воздействия.

Специфика деструктивности терроризма теснейшим образом связана с социально-психологическим комплексом особого отношения к смерти — мортилатрии. Понятие *мортилатрия* (от лат. *mors, mortis* — смерть и гр. *λάτρευσις* — служить, поклоняться) вводится для того, чтобы обозначить культ смерти во имя какой-либо цели. Неважно, будет ли этой целью джихад, торжество революции или национальное освобождение. Имманентная иррациональная тяга к смерти, формирование нравственных идеалов, при которых главным критерием всех поступков являлась постоянная готовность умереть — это те черты, которые актуализировались в террористической практике. Высшее наслаждение для террориста состоит лишь в предвкушении смерти. Готовность принять смерть с радостью, в предвосхищении будущего райского блаженства, дарованного Аллахом мученикам джихада, — характерная черта всех исламистских террористов-смертников. С первых терактов, совершенных исламистскими террористами-камикадзе в начале 1980-х гг., свидетели и выжившие жертвы часто вспоминали, что террористы улыбались, прежде чем взорвать себя и окружающих. Капрал морской пехоты, стоявший на посту у казарм

в Бейрутском международном аэропорту утром 23 октября 1983 г. вспоминал, как водитель грузовика, начиненного взрывчаткой, посмотрел ему в глаза и улыбнулся. Эта улыбка называется *бассамат аль — фарах* — «улыбка радости» — и является традицией, выказывающей радость мученичества⁶. Такое положение выглядит очень актуальным в связи с практикой шахидизма в современных исламистских террористических организациях. Он свойственен и другим террористическим направлениям, так как отражает общие типологические черты террористического сознания, а в более широком смысле, деструктивного насилия в целом.

Подводя итоги, следует констатировать, что социокультурная деструктивность терроризма зиждется на абсолютизации разрушающего насилия, в котором адептам терроризма видится всеобщий универсальный принцип бытия. Деструктивность терроризма в любых формах своего проявления имеет тенденцию к импульсной экстремализации и расширению разрушительного и устремляющего эффекта воздействия. С увеличением масштабов терроризма степень деструктивности в обществе возрастает в геометрической прогрессии и охватывает все новые информационные пространства. Одновременно с этим происходит процесс иррационализации и дегуманизации субъектов террористического мировоззрения. Представленные факторы социокультурной деструктивности диктуют необходимость выработки адекватной стратегии противодействия терроризму, учитывая выявленные особенности и прогнозируя потенциальные возможности ненасильственных конструктивных методов социального воздействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Флиер А. Я. Культурология для культурологов. — М., 2002. — С. 278.
- ² Пуховский Н. Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. — М., 2000. — С. 84.
- ³ Ольшанский Д. В. Психология террора. — М., 2002. — С. 89.
- ⁴ Шур Э. М. Наше преступное общество. — М., 1977. — С. 199.
- ⁵ Дондурей Д., Роднянский А., Радзиховский Л. Война за смысл. Телевидение — не только информация, но и механизм террора // Искусство кино. — 2004. — № 9. — С. 10–11.
- ⁶ Хофман Б. Терроризм — взгляд изнутри. — М., 2003. — С. 120.